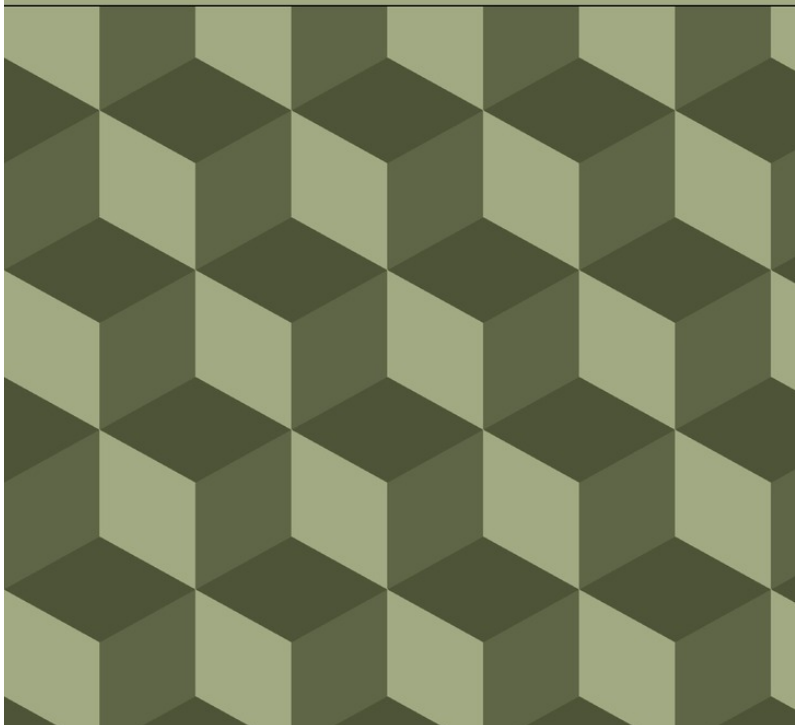

АНТОН РУНДКВИСТ

III единство

Антон Николаевич Рундквист

III единство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18152593

ISBN 9785447469672

Аннотация

Книга «III единство» является заключительной частью трилогии. «Какой трилогии?» – спросите Вы. Что ж, ответ на этот вопрос содержится непосредственно на страницах данного произведения...

Содержание

Краткое предисловие	5
Часть 1/3	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

III единство

Антон Рундквист

Посвящается

Ивану Николаевичу Рундквисту

(1983—2005)

© Антон Рундквист, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Краткое предисловие

*Если у истории есть начало,
то должен быть и конец.*

*Если у истории есть конец,
то должно быть и начало.*

И в начале было слово:

– Ну, ни фиги себе! Получилось!

А вот и свет пошел...

Часть 1/3

Любопытная история палаты №8

Линда отметила для себя отвратительное качество дорожного покрытия на пути к дому брата. Оно и не удивительно, ведь он жил на окраине города, практически в глухом лесу, в старой деревянной лачуге, которую не каждый архитектор осмелится бы вообще назвать домом.

Но таков уж был Уолт, брат Линды – нелюдимый, нечестолюбивый и еще много какой «не», проще всего сказать – не такой, как все, несмотря на всю заезженность данного сравнения. Проработав всю свою взрослую жизнь бухгалтером в разных компаниях и после этого выйдя на пенсию, Уолт, и ранее не отличавшийся общительностью, окончательно решил отгородиться от внешнего мира, продал квартиру в Бостоне и переехал в эту глухомань. Кое-как он поддерживал связь лишь со своей сестрой, да и то виделись они исключительно по праздникам. Последний раз это случилось на Рождество, то есть почти три месяца назад. Однако Линда звонила брату каждую неделю (удивительно, что сеть была доступна в месте, едва доступном для транспорта). И ее охватило нешуточное беспокойство, когда вчера он не ответил на звонок. Разумеется, этому могло быть миллион и даже больше объяснений, но ввиду некой

непостижимой для самой же Линды причины ее эти объяснения не устраивали. Она будто чувствовала в глубине души, что произошло нечто не очень хорошее. Все-таки Уолт уже был не молод, и нельзя отвергать вероятность...

Впрочем, Линда предпочитала об этом не думать в тот момент, как ее «Шевроле» тихо остановилась прямо перед порогом дома (лачуги) брата. Женщина вышла из машины, сделала глубокий вдох свежего весеннего воздуха и уверенным шагом направилась к крыльцу. Прежде чем постучать в дверь, Линда на секунду-другую замешкалась. Очевидно, на какое-то мгновение она испугалась – испугалась того, что ей никто не ответит. Так и случилось: она постучала раз, второй, третий... громко позвала брата по имени, но не услышала ничего, кроме эха и щебетания птиц, обитающих в лесу. Линда попробовала повернуть дверную ручку, и та на удивление легко поддалась. Даже если Уолт куда-то ушел (а сестре хотелось верить именно в это), то он оставил жилое помещение не запертым, а это весьма не характерно для человека, почти четыре десятка лет прожившего в крупном городе, пусть даже красть у старика-отшельника было объективно нечего. В последнем Линда убедилась, зайдя в дом (ладно, пусть уж будет дом) и осмотрев его довольно тесное и плохо освещенное внутреннее пространство, которое занимали ветхий деревянный стол, не менее ветхий стул, матрас без кровати, старый шкаф, забитый книгами и готовый в любую минуту под их тяжестью раз-

валиться, а также контрастирующие со всем этим холодильник и микроволновая печь, работающие, по-видимому, от генератора во дворе. Дома никого не было. Линда облегченно выдохнула, так как подсознательно уже была готова обнаружить здесь холодное бездыханное тело брата. Ужасная мысль, конечно, но отогнать ее было непросто. Однако телефон Уолта по-прежнему не отвечал – значит, вопрос о месте нахождения брата все еще оставался для Линды открытым.

На столе, являвшемся одновременно и письменным, и кухонным, и обеденным, не было ничего, кроме толстой тетради в твердой обложке. Повинуясь интуиции, Линда взяла в руки эту тетрадь и пролистнула в ней несколько страниц. Почерк, несомненно, принадлежал Уолту. Странно: она и не знала, что Уолт мог иметь нечто вроде дневника, но с другой стороны, чем еще заниматься человеку, ведущему столь уединенный образ жизни? Трудно сказать, было ли это желанием узнать больше о своем брате и, быть может, о том, куда он мог запропасться, или же простым проявлением любопытства, но Линда решила изучить записи, а так как света в помещении было мало, и она не имела ни малейшего понятия о том, как это исправить, женщина вышла с тетрадью на улицу, села в машину, и там начала читать. А начав, уже не могла оторваться, пусть даже в написанное было невозможно поверить.

Привет, меня зовут Уолтер Фосбери. Друзья, если бы они были, называли бы меня Уолтом, но так как их нет, то меня называют Уолтом все, кому не лень. Если вы читаете мои записи, то одно из двух: либо вы бессовестно вломились в мой дом и роетесь в моих вещах (если так, то **НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЕ!**), либо я так до сих пор и не вернулся из путешествия по волнам своей памяти, а это значит, что, скорее всего, меня уже нет в этом мире. Предвидя второй вариант, я и решил изложить на бумаге одну давнюю историю. Скажу сразу: вы (кто бы вы ни были, хотя я бы поставил свой последний доллар на то, что первым, кто обнаружит мою пропажу, а, соответственно, и эту тетрадь, будет моя дорогая сестра Линни) имеете полное право не верить ни единому написанному мной слову, ведь я собираюсь рассказать вам о событиях, происшедших со мной в период, о котором мне, право слово, не доставляет удовольствия вспоминать. Речь идет о времени, проведенном мной в Вифлеемской психиатрической лечебнице. Понимаете, куда я клоню? Да, я был душевнобольным, по крайней мере, на бумаге. На вопрос о том, был ли я действительно болен, мне и по сей день не удастся дать однозначный ответ. Поэтому я просто расскажу, что и как произошло с моей точки зрения, а вы уж сами определитесь, игры ли это моего удивительного разума

или нечто другое – таинственное, непознанное, не укладывающееся в рамки традиционных представлений и, возможно, пугающее...

Наверное, мне сперва следует пояснить, из-за чего я, собственно, оказался в психушке. Дело в том, что мне лет эдак тридцать назад удалось осуществить Великую Американскую Мечту. Нет, я не выиграл миллион в лотерею, не совершил хоум-ран в финале Мировой Серии и не провел ночь с Анджелиной Джоли. Я просто врезал своему боссу. Справедливости ради, он это полностью заслужил. Сам удивляюсь, почему до меня этого никто не сделал: Мистер Бигли был той еще сволочью. Не обладая от природы никакими талантами, да еще и с интеллектом на уровне умственно отсталой обезьяны, он каким-то образом умудрился занять руководящий пост в конторе, где я когда-то работал. Я, кажется, сказал, что у него не было талантов? Каюсь, это не совсем соответствует действительности. Один талант у него все же был: я никогда – ни до, ни после – не встречался с человеком, способным орать весь день с девяти до пяти, орать по любому поводу и без оного. Все что ты делаешь – все неправильно, хотя мистер Бигли и сам не имел ни малейшего представления, как надо «делать правильно». А еще он очень ловко выдавал чужие *хорошие* идеи за свои *гениальные*. Многие

этого даже и не замечали, но к этой группе – не знаю, к счастью или к сожалению – я не относился, так как всегда видел людей насквозь. Может, потому у меня нет друзей. Мне трудно строить отношения с людьми, когда я вижу все их пороки, все переполняющее их лицемерие и притворство, совершенно не прилагая к тому усилий. Но сейчас не об этом. Главное – в один прекрасный день мистер Бигли меня так достал, что чаша моего терпения (хотя правильнее сказать – тазик или даже целая ванна) оказалась переполненной, и это вылилось в довольно неплохой хук справа в исполнении вашего покорного слуги. Все случилось очень быстро, однако, когда я вспоминаю тот эпизод, он всегда всплывает в моем сознании в виде кадров из фильма в замедленном действии: вот я отвожу локоть чуть назад, одновременно с этим сжимая кулак, затем делаю движение вперед, рука постепенно выпрямляется, и с каждым мгновением сжатая пятерня становится все ближе и ближе к челюсти мистера Бигли; наконец, происходит столкновение, на физиономии босса отражается гримаса боли, изо рта его в разные стороны противно разлетаются слюни, затем он падает на ковер, держась за лицо, словно игрок в соккер, симулирующий травму. Хороший был удар, раз смог свалить далеко не маленького (в области талии – уж точно) мужчину. Я боялся, что сломал руку, однако впоследствии рентген не выявил каких-либо существенных повреждений. Видимо, Господь все же существует, и он не дал мне пострадать за праведные деяния. Очевидно, он же

ниспослал мне Лайонелла Мейсона – адвоката, посоветовавшего мне заявить о временной невменяемости в момент совершения нападения (так окрестили мой подвиг юристы мистера Бигли). В результате мы все вместе заключили сделку: я не попадаю в тюрьму, но обязуюсь пройти курс лечения, связанный с управлением гневом, в Вифлеемской лечебнице в Салеме. Вот так я оказался среди сумасшедших.

Признаюсь, поначалу мне было немного не по себе. Еще бы: ведь меня повсюду окружали самые настоящие психи, но я много лет проработал в финансовой сфере, поэтому привык иметь дело с ненормальными еще до того, как попал в лечебницу. Да, если на то пошло, то и мистера Бигли можно было назвать психически здоровым человеком только с очень уж большой натяжкой. Поэтому мне потребовалась всего пара дней, чтобы привыкнуть к местной обстановке, а потом мне даже в чем-то стало нравиться пребывание здесь. Ну, сами посудите: персонал тут вежливый и внимательный, и если ты придержишься несложных правил вроде своевременного принятия лекарств и посещения сеанса групповой терапии, то тебя никто и не достает, а склеивание коробочек из бумаги мне и вовсе доставляло несказанное удовольствие. В какие-то моменты я ловил себя на мысли, что впервые за долгие годы мне удалось приобрести душевный покой и психологическое равновесие, недоступные служащему крупной бостонской конторы. И уже только выйдя на пенсию, я смог вновь вернуться в то состояние, навер-

ное, чем-то схожее с состоянием эмбриона в утробе матери, когда переехал за город и нашел успокоение в единении с природой.

Неприятности могли доставить лишь другие пациенты со всеми этими своими маниями и фобиями, однако медсестры внимательно следили за порядком и пресекали все возможные конфликты еще до того, как они успевали как следует разгореться. А некоторые из больных мне даже нравились.

Взять вот, например, Филя – запойного алкоголика. Могло показаться, будто этот человек возвел выпивку чуть ли не в разряд религиозного культа, однако на самом деле его мировоззрение было ближе к философскому учению, направленному на познание сути вещей. Конечно, выбранный Филом метод далек от идеального (иначе мужик не оказался бы в психбольнице по решению суда), но если внимательно его слушать, то можно услышать довольно много интересных и трезвых идей, как бы парадоксально это ни прозвучало. А еще Фил обладал прямо-таки энциклопедическими познаниями во всем, что касалось истории вин, коньяков и прочих алкогольных напитков.

Он с легкостью мог рассказать все о Шато Черт-знает- что 1857 года и о том, чем оно отличается от, скажем, Шато Вставьте-сюда-какое-нибудь-французское-словечко 1878 года. Признаюсь, мне стало грустно, когда я узнал о его кончине десять лет назад. Он спился, а жаль, мог ведь

написать хорошую книгу по своей любимой теме.

Заслуживают упоминания и Билл с Джорджем. Каждый из них считал себя кандидатом в Президенты: Билл – от демократов, Джордж – от республиканцев. И, знаете, безумие одного очень хорошо дополняло безумие второго, а в ходе их политических дебатов поднимались многие животрепещущие вопросы – такие, как реформа системы здравоохранения и образования, ограничение на распространение огнестрельного оружия, целесообразность ведения локальных боевых действий на Ближнем Востоке и так далее. Порой Билл и Джордж казались мне абсолютно нормальными и отличались от настоящих политиков только тем, что ими не являлись. Задумаешься тут...

Была еще там милая дама средних лет по имени Триш, страдавшая манией преследования. Так оно и не удивительно, раз повсюду развешены камеры слежения, а ФБР после 11 сентября под предлогом борьбы с терроризмом может прослушивать любые телефонные разговоры граждан, а также изучать их переписку по электронной почте.

А парень по имени Майлз терпеть не мог, когда люди подходили к нему ближе, чем на десять футов, и не могу сказать, что не разделяю его желания защитить личное пространство. Бедняге, небось, тяжело приходится в общественном транспорте.

Весьма любопытным представляется мне Гарри по прозвищу Чокнутый. Вы представляете, насколько надо быть

сдвинутым, чтобы тебя все называли чокнутым в психиатрической лечебнице? На каждом углу он заявлял о нереальности этого мира. Мужик с абсолютной уверенностью называл себя и всех окружающих героем какой-то книжки! Подумать только! Меня подобная теория по-настоящему заинтересовала, и однажды я решил напрямую спросить у Гарри, откуда такая идея возникла в его голове. Он тогда посмотрел на меня глазами старого доброго дядюшки и с мягкостью в голосе ответил:

– Уолт, друг мой. Я пока не знаю, зачем этот парень, ну, тот, который о нас пишет, поместил меня во второй раз в свою книгу, но могу сказать, что еще сыграю свою роль в повествовании, но чуть попозже.

Произнеся это, он повернулся и ушел. Согласитесь, его слова прозвучали как полнейший бред. Сперва я тоже так к ним отнесся, однако время показало, кто был прав, и это до сих пор тревожит меня даже много лет спустя.

И раз уж речь зашла о людях, которые мне помогали в те дни, то скажу пару слов о Скипе и Трое. Скип – счетовод – парень, помешанный на числах, – говорил, мол, они определяют нашу судьбу, и любил нести прочую нумерологическую чушь. Казалось, назови ему любое число, и он может придумать с полсотни ассоциаций, связанных с ним. Никогда не стоило говорить при нем о числе «семь», ибо вы рисковали услышать лекцию длиной в пять часов о днях недели, смертных грехах, количестве цветов в радуге, о нотах в нот-

ном стане и прочем в том же духе. Людей, кстати, он не называл по именам, а каждому присваивал персональный номер по только ему одному известной системе. Я получил, по его выражению, «счастливый» номер 5862709402. Не представляю, почему этот номер может быть «счастливым», но Скипу, пожалуй, виднее.

Трой же был частным детективом. То есть на самом деле он был служащим на бензоколонке, но ему больше нравилось изображать из себя Дика Трейси. А кому бы не нравилось? Я находил его, по меньшей мере, забавным, особенно мне запомнились его мрачные монологи в стиле нуар. Вот, к слову, что он мне однажды ответил на вопрос, как у него дела:

– Уже семь месяцев длится мое заточение в психиатрической лечебнице, стены которой будто бы с каждым днем все сжимаются и сжимаются, грозя в один ужасный момент раздавить то, что осталось во мне от человека. Но, несмотря ни на что, я продолжаю свое расследование, начатое тем жарким, удушливым летним вечером, когда я по своей воле попал сюда с целью раскрыть, возможно, самый страшный заговор в истории Соединенных Штатов со времен закрытия сериала «Секретные материалы». Я всегда знал, какие силы противостоят мне в моем крестовом походе за правдой, но им не удастся сломить мой дух, пусть я уже достаточно долго блуждаю по лезвию бритвы, острому, как соус чили, подаваемый к свиным ребрышкам в ресторане «У Фернан-

до» в Сан-Антонио. И раз уж в моей памяти, изрешеченной медикаментами, точно пулями тридцать восьмого калибра, которыми здесь пичкают мой мозг изо дня в день, будто спортсмена-олимпийца перед соревнованиями, возник образ мяса, то не могу не отметить повышение качества местных обедов, напомнивших мне о светлом времени, когда у меня были жена и дочь, о времени, безвозвратно утерянном... но такова цена за работу детектива. В общем, у меня все нормально. А как сам поживаешь, Уолт?

М-да, такой он был, наш Трой. Между прочим, его речи производили впечатление не только на меня, но и сразу на двух представительниц прекрасного пола: на тихую и застенчивую Миранду и на пожирательницу мужских сердец Скарлет, которые на самом деле были одной женщиной, страдавшей от раздвоения личности. Тройю, видимо, больше нравилась Скарлет, так как она, будучи роковой красоткой, лучше вписывалась в созданный им мир. Только, пожалуйста, не говорите об этом Миранде, ни к чему расстраивать хорошего человека.

Вот я и описал в общих чертах ту обстановку, в которой находился, проходя курс лечения во избежание тюремного заключения. И все вроде бы шло нормально (насколько это вообще возможно в сложившихся условиях), но только до определенного момента. Неприятности, как часто и бывает, начались со знакомства с симпатичной молодой девушкой по имени Сэнди, ворвавшейся в мою жизнь, словно

безумный ураган.

Произошло это во время дневной прогулки. Я, Фил, Майлз, Билл и Джордж кидали мяч в корзину, пока мне не удалось сильно выйти вперед по очкам. Может быть, мне стоило стать баскетболистом, а не бухгалтером? Затем я решил немного передохнуть и, бросив взгляд на ближайшую скамейку, увидел, что на ней сидит девушка в больничной пижаме, как и у многих других пациентов. Мне раньше не доводилось видеть эту прекрасную особу в лечебнице, иначе бы я ее точно запомнил: длинные русые волосы, собранные в хвостик, большие синие глаза и практически не сходящая с лица мечтательная улыбка как-то сразу привлекли к девушке мое внимание. Должен сразу заявить: не в моих правилах знакомиться с женщинами в психиатрических больницах, да и вообще в то время у меня не было абсолютно никакого желания с кем-либо знакомиться. Однако что-то в этой пациентке меня привлекло, а, возможно, мне просто стало скучно. В любом случае, я решил к ней подойти.

– Не возражаете, если я присяду? – обратился я к девушке.

Сначала она посмотрела на меня с удивлением, как на психа (да-да, знаю, я и был психом, но все же...), потом выражение ее лица переменилось на приветливое.

– Конечно, – ответила девушка. – Я даже буду рада.

– Спасибо, – поблагодарил я, немного смущенный тем взглядом, которым она меня одарила.

– М-м... – произнесла незнакомка, при этом закусив нижнюю губу. – Не поймите меня неправильно, но вы – первый человек за долгое время, который ко мне обратился.

– Да что вы говорите? – удивился я.

– Сама не знаю, почему, но люди все время проходят мимо, даже не поздоровавшись.

– Привет, – зачем-то сказал я (видимо, хотел исправить несправедливость, допускаемую остальными по отношению к этой девушке).

– Привет, – ответила она и улыбнулась. – Меня зовут Сэнди.

– Приятно познакомиться, Сэнди, а я – Уолт. Вы давно здесь?

– Ага, смотрела, как вы и другие парни играете в баскетбол.

– Ну, это не совсем баскетбол, мы просто по очереди кидали мяч в корзину... Но я имел в виду другое: вы давно, э-э... в клинике? Просто я вас раньше здесь не встречал.

– Уже достаточно давно.

– Удивительно, что мы с вами до сих пор не пересекались. Хотя здание тут большое, людей много, и постоянно кто-то уходит, а кто-то, наоборот, появляется.

– Простите, – неуверенно сказала Сэнди. – Это, наверно, не очень скромный вопрос, но почему вы здесь?

– В смысле, в лечебнице?

– Ага.

– Я... – Мне было несколько неловко делиться подробностями своего диагноза с малознакомой симпатичной девушкой. – У меня вроде как проблемы с управлением гневом.

Услышав это, Сэнди насторожилась и едва заметно отодвинулась чуть подальше от меня.

– О, не стоит беспокоиться, – поспешил уверить я. – Просто у меня произошел конфликт с начальником, и, чтобы избежать еще более неприятных последствий, я согласился пройти курс лечения.

– И какие же более неприятные, чем помещение в психиатрическую лечебницу, последствия вам могли грозить?

– Видите ли... – Я пытался подобрать слова так, чтобы не произвести негативного впечатления на девушку. – Мой начальник, мистер Бигли, – человек весьма и весьма неприятный, но при том еще и достаточно влиятельный, поэтому мне грозил максимально возможный при таких обстоятельствах тюремный срок.

– Господи! Что же вы такого ужасного сделали?

– Я... ударил мистера Бигли по лицу. Один раз. В какой-то мере это была самооборона, так как в противном случае он просто вынес бы мне мозг.

Неожиданно Сэнди, на лице которой до этого отражалось нечто вроде тревоги, начала звонко смеяться.

– Вы побили своего босса! – сквозь смех выговорила

она. – Похоже, вам удалось осуществить Великую Американскую Мечту!

– Великую Американскую Мечту? – переспросил я. – Да, пожалуй. В этом что-то есть. И если меня кто-нибудь спросит, как я оказался в сумасшедшем доме, то я отвечу, что это цена за осуществление Великой Американской Мечты.

Теперь уже смеялись мы оба. Не припомню, когда мне еще в жизни было так же весело. У меня закралась мысль, что вот сидят двое душевнобольных на скамейке во дворе психбольницы и истерически ржут над какой-то довольно глупой шуткой, и от этого становилось еще смешнее.

– Уф... – произнесла Сэнди, немного успокоившись. – Давно так не смеялась. А, знаете, я сразу поняла, что вы нормальный, ну, то есть по сравнению с остальными здешними обитателями.

– Могу я считать это комплиментом?

– Наверно... – Она снова улыбнулась мне своей фирменной мечтательной улыбкой. – А как, по-вашему, я – нормальная?

Мне нечасто в жизни задавали подобного рода вопросы, а потому ответил я не сразу:

– Не могу сказать, что хорошо вас знаю, но вы мне кажетесь вполне адекватной.

– Спасибо. Жаль, мой отец придерживается иного мнения.

– Ваш отец?

– Именно он поместил меня сюда.

– Но почему?!

– Понимаете, он – человек, который ни во что не верит и который не способен принять то, что не укладывается в его собственную картину мира. Я же была готова разделить его точку зрения, но... у меня не получилось, скажем так, ввиду объективных обстоятельств.

– Не уверен, что улавливаю мысль...

– Если коротко: я обладаю кое-какими способностями, которые принято называть экстрасенсорными. Не то чтобы я сильный экстрасенс, но мне удастся улавливать присутствие энергетических сущностей, не принадлежащих этому миру... – Она не договорила фразу, заметив скептическое выражение на моем лице. – Ну вот, вы тоже мне не верите...

– Почему вы так говорите? – спросил я, хотя про себя отметил, что она права. А ведь начиналось наше знакомство так хорошо. Впрочем, намерение встретить в дурдоме нормального человека изначально было обречено на провал.

– Вы на меня сейчас смотрите как на сумасшедшую. Вот и мой отец на меня так же смотрел. Но если я безумна, то почему мне не помогает лечение? Вы можете дать на это ответ?

– Я... не знаю. Сэнди, я не хотел вас обидеть или расстроить своим... хм... взглядом. Просто я по природе своей убежденный материалист и не поверю в существование сверхъестественного, пока не увижу его проявления собственными глазами.

– То есть вы, в принципе, готовы поверить?

– Наверно, да...

– Тогда вам как-нибудь стоит заглянуть ко мне в восьмую палату. Уверяю вас, там точно что-то не в порядке.

Тут я призадумался: красивая, но все-таки больная девушка приглашает меня, одинокого мужчину, к себе в палату под предлогом демонстрации паранормальных явлений. Это что, такой новый способ флиртовать с парнями? По-хорошему, мне стоило поблагодарить Сэнди за приятную беседу, попрощаться, уйти и никогда больше с ней не видеться. Однако она мне понравилась, каким бы странным это ни показалось. Ну и что с того, что она видит духов, или как там они по-научному называются? Как говорил герой одного классического фильма, «У каждого свои недостатки». А девушка довольно милая... И еще... еще меня не покидало странное ощущение, будто она говорит правду. Конечно, все безумцы искренне верят в свои навязчивые идеи, но мне Сэнди не казалась безумной. Может, потому, что я сам постепенно терял рассудок? В итоге, немного поразмыслив, я сказал:

– Вы – первый экстрасенс, которому я готов поверить. К тому же мне приятно ваше общество.

– Тогда зайдите ко мне после обеда.

– В палату №8?

– Именно.

– Обязательно зайду.

– В таком случае – до встречи, Уолт.

– До встречи, Сэнди.

Как и обещал, после обеда я направился к Сэнди и очень удивился, когда обнаружил дверь, ведущую в ее палату, запертой. Обычно это означало, что помещение не используется, то есть оно ни за кем не закреплено. Несколько минут я простоял у двери, мысленно прокручивая возможные варианты. Может, я ошибся номером? Но нет, мы точно говорили с Сэнди о восьмой палате. А если ее перевели в другое место? Непонятно, зачем это кому-то понадобилось бы, да и когда бы они успели, ведь с нашей последней встречи прошло-то всего чуть больше часа. За этими размышлениями меня и застал проходивший мимо Скип-счетовод.

– Чего это тут делаешь, 5862709402? – поинтересовался он.

– Да вот у меня здесь вроде как назначена встреча, – ответил я.

– Где? В этом коридоре?

– В восьмой палате.

– В восьмой, говоришь? – уточнил Скип, недоверчиво глядя на меня. – Это с кем же у тебя назначена встреча в восьмой палате? Не подумай, будто я лезу в твои дела. Просто не припомню, чтобы здесь кто-то жил...

– Здесь живет девушка, ее зовут Сэнди. Мы перед обедом

познакомились с ней во дворе.

– Сэнди, Сэнди... – повторил Скип, словно пробуя это имя на вкус. – Не знаю никого по имени Сэнди, кому бы я присваивал номер. Она что, из новеньких?

– Вроде бы, нет... Во всяком случае, она говорила, что уже давно находится здесь.

– Как бы там ни было, я посоветовал бы тебе остерегаться этого места.

– Какого места? – не понял я. – О чем это ты, черт возьми?

– Просто мне не нравится эта цифра.

– Какая еще цифра?

У меня сложилось впечатление, будто Скип по какой-то причине не хотел отвечать на этот вопрос, но все же он прозвонил сквозь зубы:

– Восемь... – при этом Скип бросил быстрый взгляд на номер двери в палату Сэнди, и в этом взгляде одновременно читались и ужас, и благоговение.

– И что же не так с цифрой «восемь»? – полюбопытствовал я.

– Ты ведь знаешь, что меня считают сумасшедшим. Черт, да я и сам считаю себя психом. Все эти числа полностью захватили мою жизнь и подчинили ее себе. И шагу не могу ступить, не оглядываясь на них. Так вот, прежде чем я дам ответ на твой вопрос, хочу узнать: ты и вправду этого хочешь? Ведь стоит раз поддаться магии чисел, и назад пути, возможно, уже не будет, а впереди лишь одно безумие.

Не могу сказать, что понял тогда, о чем говорил Скип, и, наверное, именно поэтому без колебаний ответил ему:

– Да, хочу. Мне интересно.

– Давай только отойдем за угол, а то меня эта дверь смущает, – предложил Скип, указав большим пальцем в сторону палаты Сэнди, а когда мы немного прошли по коридору и повернули направо, счетовод продолжил: – У каждого числа есть свое значение, и зачастую не одно. В Китае, к примеру, восемь – число счастливое, это, по всей видимости, связано с Восьмеричным Путем, ведущим, согласно учению Будды, к прекращению страданий. Однако все не так однозначно. В цикле о Плоском Мире у английского писателя Терри Пратчетта восьмерка неразрывно связана с магией. Так, октарин, восьмой цвет радуги, еще называется в его произведениях цветом волшебства. А там, где есть волшебство, имеется место и для всего неизведанного. Ты только попробуй мысленно повернуть восьмерку на девяносто градусов, и получишь бесконечность! А что есть бесконечность, которую трудно даже вообразить или описать словами? Она есть не что иное, как самое яркое воплощение неизведанного. И я боюсь (да мне не стыдно в этом признаться), боюсь того, что человеческий разум просто не в состоянии постичь при всем его могуществе. Вряд ли ты мне поверишь, 5862709402, так как считаешь себя нормальным и имеешь, по-моему, на то полное право, но вот что я тебе скажу: держись подальше от неизвестности, подальше от бесконечно-

сти, за которой может скрываться все что угодно. Понимаешь, АБСОЛЮТНО все. И на твоём месте я не стал бы рисковать и связываться с палатой №8. Не знаю, говорит во мне опыт, болезнь или это всего лишь предчувствие, но прими к сведению мои слова.

– Х-хорошо, – только и смог я выдавить из себя после небольшой паузы. – Однако мне все равно нужно найти ту девушку, Сэнди.

– Извини, 5862709402, но тут я тебе помочь не смогу. Пспрашивай народ, наверняка ее кто-нибудь видел.

Я поблагодарил Скипа и последовал его совету – не тому, который он дал по поводу палаты №8, а насчет идеи опросить окружающих. Однако, к большому разочарованию и сильному удивлению, мне все еще не удалось ничего узнать о девушке на тот момент, когда мои поиски были прерваны сестрой Эджвуд, сообщившей, что меня ожидает на прием доктор Шелби.

Когда я вошел в его кабинет, он, крупный чернокожий мужчина средних лет, как всегда, сидел за своим необъятных размеров рабочим столом и перебирал какие-то бумаги.

– Здравствуйте, доктор Шелби, – поздоровался я. Этот здоровяк-мозгоправ мне нравился, в его обществе я чувствовал себя в полной безопасности и охотно делился своими переживаниями, если они у меня были. В конце концов, он ведь никому ничего не расскажет, так как обязан сохранять конфиденциальность в общении с пациентами. В об-

щем, подходящая (и очень большая, если учитывать объем груди доктора) жилетка, чтобы в нее поплакать, ежели возникнет подобное желание.

– Добрый день, Уолт. Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, доктор, у меня все хорошо.

– Вы уверены?

– Да, конечно. А почему вы спрашиваете?

Доктор Шелби ненадолго задумался, подбирая слова:

– Мы оба прекрасно знаем, почему вы здесь, в лечебнице.

И хотя у вас есть определенные проблемы, но они не столь значительны, и вы уж точно не представляете опасности ни для общества, ни для самого себя.

– Иными словами, я здоров? – с надеждой уточнил я.

– По крайней мере, мне так казалось до настоящего момента. – Доктор вновь сделал паузу. – Однако сегодня сестра Эджвуд сказала мне, что видела, как вы разговариваете сами с собой, сидя на скамейке во дворе.

«Что, черт возьми, это значит? – первым делом подумал я тогда. – Разговаривал сам с собой? Но ведь во дворе я совершенно точно беседовал с Сэнди. Как сестра Эджвуд могла ее не заметить?». И тут я понял, что дело плохо. Все как-то очень быстро прояснилось в моей голове: они думают, что я спятил. То есть по-настоящему спятил. Будто общался с тем, кого на самом деле нет. А это, по-хорошему, называется шизофренией, закрывающей для меня возможность в скорейшем времени покинуть это пусть и гостеприимное,

но все же не самое подходящее для нормального человека медицинское учреждение. К счастью, в минуты стресса мой мозг начинает работать гораздо быстрее обычного, словно в нем автоматически переключается скорость как в автомобиле, и мне понадобилось всего лишь три секунды, чтобы придумать более или менее вменяемое объяснение ситуации.

– Ах, это... – изобразив облегчение, сказал я. – Просто мне захотелось вслух прокомментировать, как ребята играют в мяч, представил себя на какое-то время спортивным обозревателем, только и всего.

– Спортивным обозревателем? – уточнил доктор Шелби.

– Да, мне просто было одному скучно сидеть на скамейке.

– Хорошо, Уолт. Я рад, что нам удалось прояснить ситуацию.

А как я был рад, когда покинул кабинет доктора Шелби! Еще немного, и он бы меня раскусил, распознал бы мою ложь. А мне пришлось солгать, ведь если бы я рассказал про Сэнди, которую не видела медсестра, то у меня могли возникнуть большие проблемы. Допустим (и это наиболее вероятно), что Эджвуд всего-навсего ошиблась, не заметив девушку, с которой я разговаривал, но доказывать-то сей факт пришлось бы мне, и потом я не уверен, получилось ли бы это у меня, особенно с учетом того, что мою собеседницу никто, кроме, разумеется, меня самого, и не видел вовсе. Конечно, можно было спросить у самого доктора Шелби о пациентке

по имени Сэнди, но я почему-то испугался. А что, если он ничего не слышал о такой пациентке? Понимаю, это звучит странно, но я не мог отрицать вероятность, пусть и очень маленькую, такого развития событий. Знаете, уж лучше самому думать, будто ты псих, вместо того чтобы так думали другие.

Самым приемлемым в сложившейся ситуации было хотя бы временно отвести от себя подозрения доктора Шелби и вернуться к поискам Сэнди, что я и предпринял. Но, к сожалению, никто из опрошенных мною не видел подходящую под описание девушку, и это наводило на нехорошие мысли. Очень нехорошие.

В ту ночь я никак не мог заснуть, постоянно ворочаясь на кровати, и все думая о Сэнди, а точнее, о словах сестры Эджвуд, будто я тогда во дворе разговаривал сам с собой. И если к этому прибавить тот факт, что никто из пациентов не знал Сэнди, а дверь в ее палату заперта на ключ (перед сном я еще раз наведалься туда, чтобы в этом убедиться), то картина складывалась для меня отнюдь не радужная. Получалось, я общался с человеком, которого никто не видел и который, возможно, и вовсе не состоит на лечении в Вифлеемской лечебнице. Вывод можно было сделать только один. Я отчаянно ему сопротивлялся, не хотел даже думать о такой возможности, но это ничего не меняло. По всем признакам выходило, что я болен. Может, на меня так подействовало пребывание в психушке? Еще бы! Небось не так-то легко сохранить рассудок, когда постоянно находишься

в окружении ненормальных. А, может, я просто устал и мне надо всего лишь немного отдохнуть, а наутро все прояснится, все станет по-прежнему и скоро меня отсюда выпишут; ведь доктор сам сказал, что я в порядке, ведь так? И не надо забивать себе голову раздумьями о несуществующих девушках, какими хорошенькими они бы ни были... И с этой успокаивающей мыслью я наконец-то заснул, хотя за решетчатым окном уже потихоньку начинало светать.

Мне снился странный сон, в котором я был частным детективом, расследующим какое-то дело здесь, в Вифлеемской лечебнице, но только почему-то в далеком будущем. И этот парень (в смысле, я) был умен, находчив и уж точно не страдал галлюцинациями. После пробуждения меня долго не могло покинуть странное чувство, словно я постепенно переходил из одной реальности в другую. Наверно, так иногда бывает после сна, хотя мне не доводилось ранее замечать за собой ничего подобного. На мгновение я даже задумался: кто я – пациент психиатрической больницы, которому снилось, что он – частный детектив, или же частный детектив, которому снится, что он – пациент психиатрической больницы? Как бы то ни было, эти размышления об основах экзистенциализма, несмотря на всю свою абсурдность, натолкнули меня на одну идею. Пускай в реальности (по крайней ме-

ре, в этой) я был бухгалтером, а не сыщиком, но своего рода расследование мне все же предстояло провести, и, зная, что у меня напрочь отсутствует опыт в таких делах, решил обратиться за помощью к специалисту, а именно – к местному крутому детективу Трой. Кто-то может возразить, будто это плохо – эксплуатировать психическое заболевание другого человека в личных целях, однако в тот момент моральные сомнения отошли для меня на второй план. Главное было установить истину, ответить на два занимавших меня практически всю ночь вопроса: во-первых, существует ли Сэнди на самом деле; и, во-вторых, что непосредственно вытекало из первого, не сошел ли я окончательно с ума. А безумие Троя в сложившихся условиях могло сыграть мне на руку. Поэтому во время завтрака я сел за стол рядом с ним и, вроде как между делом, спросил:

– Трой, ты сейчас не очень занят?

– Вообще-то, Уолт, я ем и не возражал бы против того, чтобы меня не беспокоили, в то время как обжигающий, словно поцелуй таинственной и прекрасной незнакомки, расплавленный сыр из моего сэндвича сначала отправляется мне в рот, а через него по пищеводу, напоминаящему главную автомагистраль Бостона, поступает к промежуточному пункту назначения в виде желудка, чтобы оказаться расщепленным, как атом в ядерном реакторе.

– Понимаю, Трой, и меньше всего хочу тебя отвлекать во время столь интимного и... сложного процесса, но, боюсь,

мне требуются твои услуги.

– Какие услуги? – насторожился мой собеседник.

– Ну, ты же все еще частный детектив?

– Я вообще-то здесь под прикрытием, если понимаешь, о чем я говорю. – При этом Трой, не поворачивая головы, быстро окинул подозрительным взглядом все помещение, но, не обнаружив для себя никакой опасности, вновь сосредоточил свое внимание на недоеденном сэндвиче.

– Да, – сказал я, – ты – детектив, который притворяется сумасшедшим, считающим себя детективом.

– Именно, и буду признателен, если ты не будешь распространяться об этом на каждом углу, особенно теперь, когда я так близок к раскрытию местного заговора, что уже могу почувствовать едва уловимый, но все же явственный запах долгожданной победы.

– Хорошо, – пообещал я, – буду держать язык за зубами. И все же попрошу тебя мне помочь.

– Ладно, расскажи, в чем дело, и я посмотрю, смогу ли им заняться.

– Видишь ли, Трой, вчера я познакомился с девушкой во время предобеденной прогулки. Ростом она примерно в пять футов и три дюйма, одета была в светло-розовую больничную пижаму. У нее длинные русые волосы и синие глаза. Зовут ее Сэнди. Она сказала, что живет в восьмой палате, но когда я зашел к ней, то обнаружил, что эта палата необитаема и закрыта на ключ. Я опросил окружающих, не видел ли

кто-нибудь эту девушку, но ни от кого не добился положительного ответа. Признаюсь, я в замешательстве. Мне очень нужно – нет, необходимо – отыскать Сэнди...

– Значит, – перебил меня Трой, – Сэнди – девушка невысокого роста с длинными русыми волосами и синими глазами. Что ж, постараюсь тебе помочь. В какой, ты сказал, палате она живет?

– В восьмой.

– Ага. что-нибудь еще тебе о ней известно?

– Э-э... – сомневаясь, стоит ли мне об этом упоминать, запнулся я. – Не знаю, важно это или нет, но она говорила, что является кем-то вроде экстрасенса, а ей не поверили и отправили сюда на лечение.

– Хм... знать диагноз тоже важно: если ее никто не вспомнит по другим приметам, то могут вспомнить по этой. Что-то еще?

– Вроде бы, это все.

– Хорошо, я посмотрю, что можно узнать об этой твоей загадочной девице.

– Спасибо, Трой.

Маловероятно, чтобы полоумный парень с бензоколонки действительно мог мне помочь, но попытка не пытка, тем более, после общения с ним я обрел некую уверенность, нехватку которой остро ощущал после вчерашнего разговора с доктором Шелби. Во всяком случае, я теперь был не одинок в поисках Сэнди, и это внушало надежду на благопо-

лучный исход дела. И пока Трой занимался расследованием, у меня появилась возможность как следует подготовиться к приему посетителей, ведь сегодня меня должна была навестить сестра.

Мне всегда было стыдно перед Линдой. Посудите сами: мы с сестрой довольно рано остались без попечения родителей, однако ее это лишь закалило, в то время как меня выбило из колеи практически на всю оставшуюся жизнь. Линда стала весьма преуспевающим дизайнером, у нее прекрасный муж Майк и замечательные дети – мои дорогие племянники Фрэнки и Салли. Я же никак не мог найти себя в жизни. Пребывания на одном рабочем месте по краткосрочности в моем случае уступали только моим же не столь многочисленным, но все как один бесперспективным романам. И хотя меня смело можно назвать знатоком в сфере бухгалтерского учета, все же мое неумение или, скорее, нежелание участвовать во всякого рода корпоративных интригах не способствовало карьерному росту. У меня никогда не было собственного автомобиля, как, впрочем, и дома: приходилось снимать квартиру то тут, то там. Единственное, что оставалось стабильным в моей жизни, кроме постоянных финансовых и личных неудач, так это дорогая сестра Линда, всегда готовая прийти мне на помощь и поддержать в трудную ми-

нугу. Она – тот единственный человек на всем земном шаре, которому я готов был отдать все, но которому при этом от меня не было нужно ровным счетом ничего. Наверно, мне должно было испытывать по отношению к ней чувство зависти, раз у нее все так хорошо, а у меня так себе, и, признаюсь, иногда был к этому близок, но в гораздо большей степени я ощущал неловкость, особенно тогда, когда мы всей семьей (преимущественно, ее семьей) собирались за одним столом на Рождество или День Благодарения, неловкость за то, что я – словно некое инородное тело, периодически вторгающееся в их устоявшуюся, счастливую жизнь и нарушающее царившую в остальное время идиллию. Разумеется, если рассказать об этом Линде, то она вряд ли со мной согласится, однако я точно знаю, что в глубине души она тоже это понимает.

А теперь представьте, какой стыд я испытывал всякий раз, когда сестра навещала меня в психушке. Казалось, это было самое глубокое дно, на которое человек, окончивший колледж, вообще способен был опуститься. Тем не менее, Линда не выказывала никаких признаков негодования, а, наоборот, в те дни была особенно приветлива и дружелюбна по отношению ко мне. Однако на сей раз на протяжении всего разговора, из которого я узнал об очередном повышении Майка, о зачислении Салли в частную школу, о победе Фрэнки в математической олимпиаде штата и о новых орхидеях тетушки Кларисс, с лица Линды не сходила тень озабоченно-

сти, не проявлявшейся ранее. Наконец, сестра все-таки решилась спросить:

– Уолт, у тебя точно все хорошо?

Уверен, доктор Шелби уже поведал ей о том, как я вчера якобы разговаривал сам с собой во время прогулки, и это, конечно же, не могло ее не взволновать.

– Да, у меня все хорошо, даже отлично, – сказал я, чтобы успокоить сестру.

– Просто доктор Шелби... – Когда сестра произнесла это имя, я понял, что угадал причину ее беспокойства. – Доктор Шелби сообщил мне о твоём странном поведении вчера.

– Это было всего лишь недоразумение, ничего страшного не произошло, – поспешил я заверить ее.

– Хорошо, если так. – неуверенно согласилась Линда. – Но мне кажется, ты чем-то встревожен. Не расскажешь, что тебя беспокоит?

Черт, она видела меня насквозь! Что меня беспокоит? Ну, возможно, я схожу с ума вследствие общения с несуществующими девушками. Но это ерунда, сестренка, все будет о'кей, вот увидишь! М-да, так ответить я точно не мог. Одно мое пребывание в лечебнице причиняло Линде боль, и я не хотел доставлять ей еще больше страданий, признавшись в том, что окончательно слетел с катушек. Поэтому пришлось соврать и сестре тоже:

– Ну, знаешь, Линни, я это... просто переживаю по поводу вчерашнего недоразумения. боюсь, как бы из-за него мне

не продлили срок лечения.

– Ах, вот, в чем дело! – с облегчением произнесла Линда. – Можешь не волноваться об этом. Я говорила с доктором, и он охарактеризовал твое состояние как стабильное, и если не произойдет ничего непредвиденного, то тебя выпишут уже через неделю!

– Было бы здорово, – согласился я, про себя думая о том, что может скрываться под весьма неопределенной формулировкой «не произойдет ничего непредвиденного»?

Мы с сестрой еще поболтали какое-то время, а потом она ушла, причем настроение у нее заметно улучшилось по сравнению с тем, с которым она приходила. И все же мне было по-прежнему стыдно, в том числе из-за своей лжи. Однако я до сих пор считаю, что поступил тогда правильно, и... Линни, если ты это читаешь (а рано или поздно этот текст обязательно окажется в твоих руках), то знай, я прошу у тебя прощения. За все. И... я люблю тебя, сестренка.

Пару дней я вообще не видел Троя (как, впрочем, и Сэнди), а потому вздрогнул от неожиданности, когда его рука легла на мое плечо, в то время как я с остальными пациентами сидел перед экраном телевизора и, как всегда по понедельникам, смотрел «Monday Night Raw».

– Тихо, Уолт, это я – Трой. Сиди спокойно и не оборачи-

вайся. Когда шоу закончится, зайди ко мне. Я кое-что раскопал. Тебе, возможно, это будет интересно.

Мне действительно было интересно, поэтому по окончании программы я незамедлительно направился к палате Троя.

– И что же тебе удалось выяснить? – сразу спросил я.

– Скажу прямо: твоя история меня заинтересовала. Давно я не ощущал такого азарта, подобного тому, которым охвачен фокстерьер, преследующий хитрого лиса. Пришлось даже привлечь своих агентов вне больницы.

– Впервые слышу, о том, что они у тебя есть, – признался я.

– Сегодня у меня осталось не так много друзей из тех, кому можно было бы по-настоящему доверять. Ты же знаешь, я расследую заговор, за которым стоят большие «шишки».

– Да-да, конечно, так что же там с моим делом? – Я понемногу начинал терять терпение: хотя мне и нравился Трой, но выслушивать его длинные тирады о всевозможных теориях заговора подчас бывало весьма утомительно.

– Во-первых... – Трой сразу стал серьезнее, и на некоторое время вуаль крутого детектива из тридцатых годов, в которую он любил наряжаться, вдруг куда-то испарилась, – ... твоей девицы и правда сейчас нет в этой клинике. Однако я навел справки у местных старожилов (да, здесь есть и такие, вроде старика Монро) и выяснил, что действительно шесть лет назад в Вифлеемской лечебнице пребывала на лечении

некая Сэнди МакНил, подходящая под предоставленное тобой описание и страдающая навязчивой идеей, будто ее повсюду окружают духи.

– Шесть лет назад? – недоумеваю, переспросил я.

– Именно. И не хочу тебя расстраивать, но эта Сэнди умерла тогда же прямо в своей палате.

– То есть как умерла?!

– По всей видимости, сердечный приступ, хотя ей и было всего двадцать шесть.

Я был несколько шокирован таким поворотом событий. С другой стороны, это ведь могла быть и не «моя» Сэнди. Мало ли какие бывают совпадения имен, возраста... внешности... и диагноза...

– Но это еще не все, – продолжал Трой. – Я копнул поглубже и выяснил, что это была далеко не первая смерть в той палате.

– В смысле, в палате №8? – уточнил я, чувствуя, как по моей спине пробежал холодок.

– Ага, в ней самой. Оказывается, там еще несколько человек скончались от сердечного приступа. Пит Ворст – в 93-м, Тиффани Гарднер – в 87-м и Коул Стивенс – в 84-м. И ранее ни у кого из них не было явных проблем с сердцем. Кроме того, Элизу Пуччини в 82-м нашли в палате с перерезанными венами, и это довольно странно, особенно с учетом того, что лезвия, которым она предположительно воспользовалась, так и не нашли. А Патрик Джонс, Моника Стенджерс,

Альберт Купер, Брайан Честерфилд и Донна Лоусон вовсе пропали без вести.

– Это как?

– А вот так: вечером они ложились спать, а на утро обнаруживалась их пропажа. Поиски ни в одном случае не дали результатов. Но если уж отслеживать всю историю восьмой палаты до самого начала, то нельзя не упомянуть о страшной во всех отношениях смерти первого ее обитателя, Брендона Хоупа, в 1976-м году, когда эта клиника только открылась. Беднягу Брендона нашли буквально разорванным на части, вся палата сверху донизу была окрашена в багровый цвет его крови. Голову жертвы обнаружили под кроватью, и говорят, на его лице застыла гримаса невероятного ужаса, который не может вообразить и принять человеческий разум.

Я ощущал, что меня вот-вот стошнит от всех этих жутких рассказов, но, к счастью, обошлось. Опасения Скипа подтвердились. По всей видимости, палата №8 действительно была крайне неприятным, если не сказать – откровенно опасным местом. Но это все равно не объясняло, с кем же я беседовал несколько дней назад на скамейке рядом с баскетбольной площадкой. С призраком давно умершей девушки? Ну нет, это уже ни в какие ворота не лезет! Даже не знаю, во что легче уверовать – в собственное безумие или в духов покойников, бродящих по Земле? Согласитесь, ничего себе дилемма...

– В конце концов, – завершил свое повествование Трой, –

после смерти Сэнди МакНил, администрация больницы приняла волевое и единственно верное при данных обстоятельствах решение: закрыть раз и навсегда восьмую палату от греха подальше. Э-э... послушай, Уолт, – понизив голос, добавил он. – Надеюсь, предоставленной информации тебе хватит, чтобы больше не интересоваться этим делом. Видишь ли, я всего лишь частный детектив, по мере своих скромных сил борющийся с организованной преступностью, оплетшей своими паучьими сетями славный город Бостон, да с коррумпированными чиновниками в высших эшелонах власти, их покрывающими. И вряд ли я могу помочь тебе в противостоянии чистому, непреодолимому злу, поселившемуся в этом здании, в палате №8.

Вообще-то Трой был сумасшедшим, а значит, не стоило безоговорочно принимать его слова на веру. Не было никакой гарантии, что все эти страшилки не являлись плодом его больного воображения. И все же был повод призадуматься...

Перед сном, хорошенько все взвесив, я принял решение более не вспоминать ни о таинственной Сэнди, ни о ее чертовой палате. Меня скоро должны были выписать, и ни к чему заморачиваться всякой ерундой, которая уж совершенно точно не будет иметь значения за пределами Вифлеемской лечебницы. Но когда мои глаза сомкнулись, и я провалился в сон, передо мной предстала девушка с длинными русыми волосами...

– Привет, Уолт, – обратилась она ко мне.

– Привет, Сэнди...

– Уолт, почему ты так до сих пор и не пришел ко мне?

– Я приходил, но дверь была заперта.

– Ну да, конечно, как я могла забыть! Вот, держи.

Она взяла меня за руку и вложила в ладонь какой-то ключ.

– Что это? – Даже во сне я понимал, насколько глуп мой вопрос, ведь ответ был мне уже известен.

– Ключ от моей палаты. Приходи скорей, не заставляй де-вушку ждать...

– Сэнди, твоя палата... это плохое место...

– Знаю. Я же сама тебе говорила: там есть нечто сверхъ-естественное.

– Но не говорила, что оно убивает людей...

– Не думай об этом сейчас, Уолт. Лучше отдохни. Силы тебе понадобятся. Так что спи... спи... спи...

Проснулся я лишь уже наутро. И чего не приснится человеку! Очевидно, образ Сэнди не давал покоя моему подсознанию, и этим легко можно объяснить пригрезившийся мне диалог с ней. Однако предмет в моей сжатой ладони свидетельствовал в пользу того, что не все так просто. Я разжал пальцы и, увидев, этот предмет, только и смог воскликнуть:

– Господи Иисусе!

На моей раскрытой ладони лежал ключ с биркой, на которой наполовину выцветшими синими чернилами была написана цифра «восемь».

Теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что некая необъяснимая, но весьма могущественная сила влекла меня к палате №8. Иначе нельзя было объяснить, почему я намеревался туда наведаться даже с учетом предостережений и от Скипа-счетовода, и от детектива Троя. Разумом я понимал, какая это была плохая идея, однако голос Сэнди, звучавший у меня в голове, все продолжал и продолжал звать ко мне. С этой историей необходимо было покончить, пока я окончательно не свихнулся. С ключом в руках я подошел к двери палаты, где умерло черт знает сколько человек и без вести пропало еще столько же. Но прежде чем попасть внутрь, меня кто-то окликнул из-за угла.

– Эй, Уолт, подойди сюда! – Это оказался Чокнутый Гарри. – Последние несколько дней ходили слухи, будто ты все-таки интересуешься палатой №8, и, как я вижу, они небеспочвенны.

– Только пусть это останется между нами, – предупредил его я.

– Без проблем, Уолт. Помнишь, я как-то сказал, что еще сыграю свою роль в этом рассказе?

Разумеется, я помнил, хотя и не придавал тогда тем словам особого значения.

– Так вот, – продолжал Гарри, – я знаю, какая сила таит-

ся за этой дверью. Не спрашивай, откуда мне это известно, просто знаю, и все. Объяснить было бы так же трудно, как, например, то, почему я знаю, что мир, в котором мы сейчас существуем, нереален, в то время как другие отказываются это замечать.

– И что же там, за этой дверью? – нетерпеливо спросил я.

– Нечто из другого мира. Только не смейся, пожалуйста. Как-никак, я спец в вопросах, касающихся множественности миров во Вселенной, и могу заверить тебя: там, за этой дверью, находится нечто, ко встрече с чем ни один живой человек не может быть готов, и оно этим активно пользуется. Твой шанс в том, чтобы быть готовым ко всему, не дать застать себя врасплох. Кроме того, ты будешь не один. Эта девушка, Сэнди, о которой ты тут всех расспрашивал, сможет тебе помочь, если ты, в свою очередь, поможешь ей.

– Но чем же я ей помогу?

– По всей видимости, бедняжка застряла между мирами. Твоя задача – указать ей путь. Как тебе это удастся, ума не приложу. Но ты должен верить. В конце концов, в этой истории ты – главный герой.

– Не понял...

– Мир, населенный людьми, – это совокупность историй, которые переживает каждый из нас, и каждый является главным героем какой-то своей истории, что позволяет ему оказывать непосредственное воздействие на ход событий. Это твоя история, и в твоих силах самому написать, чем она за-

кончится.

При обычных обстоятельствах я бы спокойно пропустил всю эту белиберду мимо ушей, но тогда моему сознанию необходимо было зацепиться хоть за что-нибудь, поэтому я внимательно выслушал наставления Чокнутого Гарри и принял их к сведению.

– Э-э... Гарри, – обратился я к нему, – я сейчас собираюсь войти в палату. Не составишь мне компанию? А то одному как-то страшно.

– Боюсь, у меня не получится зайти внутрь, но в случае чего могу постоять на стреме.

– Хорошо, спасибо, Гарри. – С этими словами я вновь подошел к двери палаты №8, вставил ключ в замочную скважину и повернул его два раза, после чего путь был свободен.

Я зашел внутрь помещения, и в этот самый момент дверь за моей спиной с грохотом захлопнулась. Я тут же попытался ее открыть, но тщетно. Попытался несколько раз позвать Гарри, но тот не ответил. Возникло ощущение, словно меня отрезали от остального мира. Должно быть, то же происходило со всеми обитателями этой проклятой палаты. Наверняка они изо всех сил стучали в дверь и звали на помощь, но никто их не мог услышать. Они оказывались в ловушке. Теперь же в ловушке оказался я. Какой же я идиот, что перешел сюда!

Постепенно дневной солнечный свет из окна уступил место медленно надвигающимся багровым теням, которые

вскоре заполнили все пространство небольшого помещения. В памяти сразу всплыл случай с Бренденом Хоупом (удивительно, как я запомнил его имя?), чью кровь, если верить Трою, пришлось смывать со всех стен, пола и потолка. Если бы это был фильм ужасов, то сейчас бы начала играть зловещая мелодия, однако стоявшая в палате оглушающая тишина давила на психику не меньше, чем какая-нибудь из композиций Акиры Ямаоки. Эта всепоглощающая и, я бы сказал, абсолютная тишина как будто намекала: «Эй, Уолт, да ты, похоже, один во всей Вселенной, и что бы ни произошло, помощи тебе ждать неоткуда!»

Неожиданно ее прервал странный звук, доносившийся из-под кровати и напоминавший потрескивание яйца, из которого вылупляется цыпленок. Через несколько мгновений (показавшихся вечностью) я увидел того, кто издавал этот звук. К моему великому удивлению, передо мной предстал маленький тщедушный человечек в ослепительно-белом костюме и с молодым лицом, как у Джастина Бибера. Господи, да по сравнению с этим чудом даже Санта-Клаус и то больше походил на жестокого и ужасного монстра!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.